

УДК 811.362+811.342.41

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ СОЮЗОВ В СВЕТЕ ТРУДОВ БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Э.А. Балалыкина

Аннотация

Статья посвящена истории долгих и кратких индоевропейских гласных фонем, до сих пор существующих в современном литовском языке. Изменения, которые претерпели эти звуки, настолько незначительны, что литовский фонетический материал может дать много информации о гласных фонемах русского и других славянских языков. Это подчеркивал И.А. Бодуэн де Куртенэ в своих сравнительных работах по праславянской фонетике и работах по изучению истории языковых союзов.

В статье «О смешанном характере всех языков» И.А. Бодуэн де Куртенэ представил программу изучения языковых союзов, необходимую для составления сравнительной грамматики родственных языков (и прежде всего славянских и балтийских). Он обосновал новую методику классификации языков, основанную на определении различий и сходства в их фонетическом и морфологическом облике. Причем в качестве основного критерия И.А. Бодуэн де Куртенэ предложил не перечень совпадающих моментов в указанных языковых уровнях сравниваемых языков, а сходство в общих закономерностях развития этих языков и их рассмотрение на базе общей «исторической подкладки». Это обстоятельство, по его мнению, позволяет определить историческое родство языков и дает начало так называемой сравнительной грамматике различных языков, при этом особо И.А. Бодуэн де Куртенэ выделил сравнительную грамматику языков славянских и балтийских, в необходимости создания которой он не сомневался. Эта грамматика должна быть построена на предполагаемом историческом, или генетическом, родстве указанных языков. Сопоставление тех сторон, которые считаются чисто славянскими, с теми сторонами, которые характерны для балтийских языков, позволило бы, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, прийти к общелингвистическим выводам, поскольку родство языков сводится к родству более поздних состояний с состояниями более древними. Общие стадии развития являются как бы проекцией закономерно движущихся общих особенностей в одну временную плоскость. Определенной и несомненной внешней чертой родства или свойства языков является возможность фонетического перевода с одного языка на другой, то есть возможность сопоставления фонетической формы слов родственных языков по установленным звуковым соответствиям. В подробной программе лекций, читанных И.А. Бодуэном де Куртенэ в Казанском университете в 1877/88 уч. г., дана классификация сла-

вянских языков по одному из важных структурных принципов: долготе и краткости гласных. Правомерность подобной классификации может быть проверена на практическом материале, представляющем собой сопоставления слов, содержащих краткие и долгие гласные, славянских языков с соответствующими гласными балтийских (прежде всего – литовского) языков. Как известно, балтийские языки сохранили в своем звуковом строе значительное количество древнейших особенностей, восходящих ко времени общеславянской и индоевропейской эпохи. К их числу относится различие литовских и латышских гласных по долготе и краткости. Вокализм литовского языка представляет собой систему долгих и кратких фонем, качество которых в большинстве случаев не зависит от позиции в слове. При этом четырем кратким гласным: *a, e, i, u*, – унаследованным с индоевропейской поры, в русском соответствуют разные гласные, давно утратившие фонематическую краткость, поскольку в этом языке произошли существенные преобразования звуковой системы, носящие закономерный исторический характер. Сопоставление фонетических форм (по Бодуэну) одного и того же слова в литовском и русском убеждает нас в том, что краткому гласному *a* литовского языка с большой долей регулярности соответствует славянский *o*: *ašis* – *ось*, *aštrūs* – *острый*, *avis* – *овца*, *dalià* – *доля*, *nāgas* – *ноготь*, *naktis* – *ночь*, *prāstas* – *простой*, *rasà* – *роса*, *vādas* – *вождь* и т. д. Закономерный характер подобных сопоставлений убеждает нас в том, что мы имеем дело с результатом развития гласных и. е. языка-основы, которое произошло в одном и том же направлении. Как известно, в и. е. праязыке-основе система гласных была гетерогенной (разнородной), то есть гласные противопоставлялись по качеству (*a, o, e*) и количеству (гласным *ā, ō, ē* были противопоставлены долгие *ā, ō, ē*). В праславянский период начинается процесс ослабления наиболее напряженных артикуляций, в результате чего гласные стали из своих полярных по широте и ряду позиций «сдвигаться» в область средней широты и среднего ряда. В результате этого процесса краткий гласный *ī* превратился в *ь*, краткий гласный *ĭ* – в *ѣ*, поскольку исконная огубленность этого *ĭ* исчезла, что и позволило его артикуляции сдвинуться несколько вперед, в среднюю сферу.

И балтийский *a*, и славянский *o* восходят к индоевропейским **ō* и **ā*, которые совпали в одном звуке на славянской и балтийской почве. Различия в рефлексам этих и. е. кратких гласных, которые на славянской почве совпали в гласном **o*, а на балтийской – соответственно в **a*, ученые объясняли по-разному, но большинство исследователей придерживалось точки зрения относительно существования в эпоху балто-славянского языкового единства гласного *ā* с долей лабиализации, что и позволило ему превратиться на славянской почве в соответствующий *ō* [Фортунатов 1919: 25, Филин 1962: 101]; при этом общая направленность балто-славянского процесса, происшедшего в системе и. е. кратких **ō* и **ā*, не вызывает сомнения. Совпадение гласных *a* и *o* в одном звуке отличает, по мнению О. Гуйера, славяно-балтийский диалект от первоначального состояния [Гуйер 1953: 44].

В развитии балтийского и славянского *ē* также можно обнаружить много общего, поскольку в литовском языке он сохранился, а на славянской почве претерпел некоторые изменения. Они связаны прежде всего с известным пере-

ходом $\acute{e} > o$ в определенных фонетических условиях: после мягкого согласного перед твердым и под ударением. Отсюда и регулярные соответствия в виде литовского краткого e и русского e (или o): *geležis* – железо, *dėšimt* – десять, *mėsti* – метать, *nėšti* – нести, *medūs* – мед, *lėdas* – лед, *vėsti* – вести, *vėžti* – везти и др. Современный литовский \acute{i} также сохранился с и.е. поры; как уже было сказано, он претерпел закономерные исторические изменения, превратившись в краткий редуцированный гласный переднего ряда \acute{y} . А потому соответствия с гласным \acute{i} в литовском и его видоизменениями в русском могут быть представлены как достаточно закономерные соответствия в виде литовского \acute{i} и русских трех вариантов: гласного e из бывшего \acute{y} , или o в случае более позднего перехода этого $e > o$, или нуля звука (на месте исчезнувшего в результате процесса падения редуцированного \acute{y} в слабой позиции). Отсюда соответствия в виде *bristi* – бресту, *ketvirtas* – четвертый, *miglà* – мгла, *šis* – сей, *visas* – весь, *virbas* – верба, *linaĩ* – лён, *širdis* – сердце, *žinóti* – знать и др. И, наконец, краткий гласный \acute{y} , сохранившийся в литовском языке с и.е. поры, дает в славянских языках (и прежде всего – в русском) соответствия в виде рефлексов бывшего \acute{y} , восходящего к \acute{y} : это может быть либо o (из \acute{y} в сильной позиции), либо нуль звука (вместо исчезнувшего \acute{y} в слабой позиции). Отсюда параллели типа: *budrūs* – бодр(ый), *bruvīs* – бровь, *duktė* – дочь, *musai* – мох (др. русск. мѡхъ), *rugys* – рожь, *pułkas* – полк, *turgis* – торг, *dūgnas* – дно (др. русск. дѣно) и т. д.

В связи с тем, что в праславянский период краткие гласные нижнего и верхнего подъемов «переместились» в зону среднего подъема, возникла зависимость между степенью долготы гласного и его шириной, то есть долгие гласные стали занимать позиции либо самого верхнего подъема, либо самого нижнего, что привело к изменениям в области бывших долгих гласных среднего подъема \bar{e} и \bar{o} . В результате долгий \bar{o} на раннем этапе развития общеславянской системы совпал с \bar{a} . Определенную роль в этом процессе сыграло и ослабление роли лабиализации праславянского \bar{o} [Филин 1962: 101–102]. Известно, что на балтийской почве исконное различие между и.е. \bar{o} и \bar{a} долгими в какой-то степени сохранилось, поскольку в латышском языке исконные \bar{o} и \bar{a} совпали в звуке a , а в литовском, соответственно, – в звуке o . Независимо от результатов указанных изменений и.е. долгих гласных общность процесса, происходившего на балто-славянской почве в направлении их совпадения в одном звуке, не вызывает сомнения [Гуйер 1953: 44]. Поскольку долгий гласный \bar{o} в литовском явился результатом совпадения в одном звуке и.е. $*\bar{o}$ и $*\bar{a}$, а в общеславянском языке рефлексом тех же гласных явился a [Бернштейн 1961: 143], то отсюда и высокая степень регулярности русско-литовских соответствий, носящих системный характер, которые характерны для рефлексов приведенных долгих гласных. Например: *bóba* – баба, *brólis* – брат, *gróti* – уграть, *lópa* – лапа, *miegóti* – спать (ср. мигать), *porà* – пара, *mótė* – мать, *lovà* – лав(ка), *stóras* – толстый (ср. старый), *žinóti* – знать и т. д.

Литовский долгий гласный \acute{e} является наследием и.е. гласного $*\bar{e}$, который в силу указанного выше изменения в системе гласных на общеславянской почве перешел либо в более узкий (верхний) подъем, либо в более широкий (нижний) подъем. В связи с этим в одних славянских языках он дал i , в других – широкий, открытый a . Например, укр. *лис*, *мисто*, др. русск. *лѣсъ*, *мѣсто*,

польск. *las, miasto*. У восточных славян он произносился по-разному в разных диалектах. Это был гласный закрытого характера, который звучал как *e* или дифтонг *ie*, или, наконец, *i*. Оставляя в стороне другие возможности образования древнего *h*, отметим лишь те случаи, когда *h* > *e*, который мог после шипящих согласных переходить в *a*. Отсюда русско-литовские параллели, носящие закономерный характер, допустим, литовский долгий *ė* – русский *e* (или *a*). Например: *bėgti* – бежать, *bėda* – беда, *dėti* – деть, *dėvati* – девать, *klėtis* – клеть, *sėsti* – сесть, *spėti* – (y)снеть, *grėbti* – гресту (гребу), *vėjas* – ветер и т. д.

И литовский, и русский языки сохранили гласный, явившийся результатом развития и. е. долгого *ī. Отсюда параллели типа *gūti* – жить, *klūkti* – кликать (кричать), *trūti* – три, *vūti* – вить, *gūvas* – жив, *ūla* – шило и т. д. И хотя гласный *u* в русском языке может быть разного происхождения (в том числе и дифтонгического), сам характер приведенных соответствий убеждает нас в тождестве приводимых гласных в пределах общего корня. И, наконец, последний и. е. долгий гласный *ī*, который на общеславянской почве сместился в среднюю сферу и дал в качестве основного рефлекса гласный *ы*. Отсюда параллели типа *būti* – быть, *dūmai* – дым, *sūnus* – сын, *ūdra* – выдра, *dūsuoti* – дышать, *tūksantis* – тысяча, *viršūnas* – вершина и т. д.

На основании приведенных соответствий можно прийти к выводам, что славянские и балтийские языки являются родственными по происхождению, поскольку представляют видоизменения какого-то более древнего общего языкового состояния. При этом решающую роль играет «фонетический цемент» (термин Бодуэна), подтверждающий сходство в исторических фонетических процессах, происходивших в этих языках. Вот почему они могут быть предметом сопоставительного изучения, называемого сравнительной грамматикой славянских и балтийских языков.

Summary

E.A. Balalykina. The problems of language unions in the light of Baudouin de Courtenay's works.

The article deals with the history of long and short Indo-European vowel phonemes that still exist in the modern Lithuanian language. The changes, which these phonemes have undergone, are so inconsiderable that Lithuanian phonetic material can tell much about the history of vowel phonemes in Russian and other Slavonic languages. It was the kind of material that Baudouin de Courtenay emphasized on in his comparative works on pre-Slavonic phonetics and the studying of the history of language unions.

Литература

1. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. – М., 1961.
2. Гуйер О. Введение в историю чешского языка. – М., 1953.
3. Мейе А. Общеславянский язык. – М., 1951.
4. Филлин Ф.П. Образование языка восточных славян. – М.-Л., 1962.

5. *Фортуатов Ф.Ф.* Лекции по фонетике старославянского языка. – Петроград, 1919.

Поступила в редакцию
17.02.05

Балалыкина Эмилия Агафоновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.

E-mail: *Emilia.Balalykina@ksu.ru*